

Инна ЛИСНЯНСКАЯ: ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ ЛИЦО, ЕГО НАДО ИМЕТЬ

фото Игоря Иванюкова

*Я, как стекло, закалена,
Я — и песок, я — и волна,
И приспособлена к бездолю и туману.*

Это строки Инны Лиснянской. Ее поэзию одинаково высоко ценили два российских нобелевских лауреата — Иосиф Бродский и Александр Солженицын. И ценят еще многие, не разучившиеся читать настоящие стихи. Недавно она подготовила книгу воспоминаний об Арсении Тарковском. Отдала в издательство, а потом сама же забрала назад: "Пусть ждет своего часа". И наш разговор начался с Тарковского.

— Как-то вы написали: *"Живу во время дикое, Забывшее азы, Но вот живу. И тикают Тарковского часы"*. Что это за часы?

— Прежде я хотела бы пояснить две предыдущие строки. "Время дикое" — это то состояние, в котором находится наша страна. Страна, которая никогда не знает середины. Либо мы самые счастливые и сильные, как это нам говорили 70 лет. Либо — самые бедные и несчастные, как это говорится сейчас. Дикость жизни состоит в том, что у нас никогда не было и нет золотой середины.

— А что такое — извините, я вас перебиваю — "золотая середина"?

— Мне кажется, что золотая середина предполагает средний класс, который когда-то, едва создавшись, был сметен революцией. Сегодня происходит то же самое. Едва этот класс начал возрождаться, как страна оказалась в кризисе. Ибо мы забыли азы.

— Тогда — что для вас "азы"?

— Что для меня есть "азы"? Это заповеди Книги Книг — Библии, как Ветхого, так и Нового Завета. Увы, забытые. Но я себя утешаю: вот, несмотря на внешний фон, исправно и спокойно отсчитывают на моем запястье время часы Тарковского. А коли так, значит, поэзия существует, культура жива, и по-прежнему незбылемы такие понятия, как честь, совесть, благородство.

— Значит, часы Тарковского — это не метафора?

— Эти наручные часы мне действительно подарил Арсений

Александрович в 75-м году на день рождения.

В Переделкине наши комнаты находились по соседству.

— Какая черта характера Тарковского вам особенно запомнилась?

— Многие из тех, кто близко знал Арсения Александровича, отмечают его детский нрав. Но чаще всего в розовом свете. А Тарковский был ребенок с присущим детям крайним эгоцентризмом, хитростью. Детскость Тарковского навсегда сохранилась в отношениях с людьми. Например, когда он с кем-нибудь ссорился, то начинал страшно ругать того, с кем поссорился. А когда мирился с ним — начинал также горячо хвалить, любить, защищать.

— Как относился Тарковский к поэтам-современникам?

— Он мало о ком говорил хорошо. Был добр, скорее, к тем, у кого не складывалась литературная судьба, кого не печатали. Ведь сколько десятилетий не публиковали его оригинальных стихов! Ходил в переводчиках. Первая книжка стихотворений "Перед снегом" тиражом шесть тысяч экземпляров вышла в 1962 году, когда поэту исполнилось уже 55 лет.

*Для чего я лучшие годы
Продал за чужие слова?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.*

Это его строки из стихотворения "Переводчик". Однако переводил он блистательно!

— Неужели он не любил никого из известных поэтов-современников?

— Всегда высоко ценил творчество Анны Ахматовой. Ни один разговор о поэзии не обо-

шелся без упоминания ее имени. Очень деликатно рассказывал мне о Марине Цветаевой. Тогда я не знала, что их связывали не только дружеские чувства, а Арсений Александрович, по-видимому, был уверен в том, что мне это известно. Сокрушался и говорил: "Прозевал я Марину, прозевал. И я виноват. Не понял ее трагического характера. Трудно было с ней. Ну, полсердца отдал бы ей. А ей подавай все сердце, и печенку, и селезенку! Она требовала всего человека, без остатка..."

— На ваш взгляд, почему так долго не печатали Тарковского? Считали антисоветчиком?

— Ничего антисоветского в его стихах не было. А что было? Изумительный русский язык, лирически совершенная поэтическая речь, что уже само по себе в стране, где слово было совершенно обезличено, не годилось для литературных идеологов. Как-то Арсений Александрович признался мне в том, что пытался потрафить советской власти. Пожалуй, это был единственный компромисс, потом он горько о нем сожалел. "Ахматова, — рассказывал он, — решила восхвалить в стихах вождя ради спасения репрессированного сына. А я написал стихи о Сталине для того, чтобы меня печатали. Отдал их в "Знамя", но их отвергли". Потом мы рассуждали с Тарковским, почему журнал отказался даже от таких его стихов. Их забраковали исключительно из-за изысканной, чуждой народу стилистики.

— А сегодня, по вашему

мнению, стилистика Тарковского уже не чужда народу?

— Я всегда любила и люблю стихи Тарковского. А с годами все больше и больше убеждаюсь в том, какой он сильный, замечательный поэт. Он из тех, чья поэзия со временем привлекает к себе все большее и большее количество читателей. Растет вместе со временем. Так происходило и с Осипом Мандельштамом. У поэзии Мандельштама при его жизни было не так уж много поклонников. Ныне же он один из любимейших русских поэтов. Должно было пройти время.

— Слово "время" одно из самых распространенных в вашей поэзии. С чем это связано?

— К сожалению, в этом смысле я не оригинальна. Видимо, время — та философская категория, которая непременно присутствует в творчестве каждого поэта.

— Я хочу спросить вас о таких ваших стихах:

*Все связано,
И потому на всех лежит одна вина.
Все названо,
И потому не называю имени.*

*Все сказано,
И потому молчу в такие времена...*

Что стоит за вашим молчанием?

— Это молчание означает для меня следующее: не участвовать в политизированной общественной жизни. Тем более в ее тусовках. Довольствоваться малым и одиночеством. Уже нет сил спорить, доказывать, что дважды два — четы-

ре, убеждать, даже говорить. Не так давно в Санкт-Петербурге в "Пушкинском фонде" вышла книжка моих новых стихотворений "Ветер покоя", в которой я попыталась что-то сказать "в такие времена". От предыдущих она отличается социальной направленностью, но именно это мне самой как раз во мне и не нравится. Считаю последнюю книжку своей неудачей. Еще три года назад я говорила: "Надо укрепить дух созидательным терпением, работать". Да, работать надо было. Потому что все, что могли, мы просвистели в спорах и разговорах. Мы слишком разговорчивы. Тогда как "в такие времена" совсем не лишне помолчать. А то — сплошной скул-л-л-л.

— У вас немалый опыт жизни и в те, и в эти времена. Что помогло вам сохранить лицо?

— Прежде чем сохранить лицо, его надо иметь. Не знаю, есть ли оно у меня.

— Кажется, вы говорите не без лукавства...

— Нет-нет! Правда, не знаю... Может, помогает веселость нрава. Я могу смеяться в самые трудные времена.

— О том же — в ваших новых стихах: "Пусть плачут глаза и смеется рот"...

— Да, это есть в моих стихах. Дерзаю думать, что мы все могли бы хором посмеяться над самими собой, что-то высмеять в самих себе. А потом взяться за дело, жить дальше. Но мы всегда ищем кого-то другого, виновного в своей неудачной судьбе, — соседа, чужеземца и т. д. Возможно, это одна из черт нашего характера.

— Смех помогает?

— Да, смех помогает. Хотя он гораздо тяжелее слез, которые, в общем, не требуют больших внутренних усилий. В одной моей неопубликованной поэме 1974 года есть такие строки:

*Мой плач пересолит
События и могилы.
На плач не тратят сил —
На смех уходят силы.*

— Но у вас есть и такие строки:

*Проклятая жизнь, —
все равно ты достойна
Молитвы во благо
и благостных слез.*

Вы бы и сейчас их охотно повторили, не так ли?

— Сама жизнь, которую подарил нам Господь Бог, такая большая ценность, которой не дорожить невозможно. Когда тебе уже 70 лет, когда за спиной так много прожито, пережито, передумано, осмеяно в самой себе, это воспринимается особенно остро и отчетливо. На днях ко мне заходил мастер. Надо было что-то починить в доме. Закончил работу. Перед тем, как уйти, сказал: "Желаю вам хорошей жизни!" — "Ну что вы, голубчик! Зачем так много? Вы мне просто жизни пожелайте..."

Встречалась
Елена КОНСТАНТИНОВА